

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГОЛОВА МУЖЧИНЫ ИЗ МУЗЕЯ В КИЕВЕ

В Киевском музее западного и восточного искусства хранится древнеегипетская голова мужчины (высота 25 см). Материал — красный гранит с черными пестринами. Сохранимость памятника отличная, если не считать незначительных, еле заметных выбоин на верхней губе и на обоих веках глаз. Степень обработки материала различна: лицо, в особенности нос и щеки, тщательно отполировано, в то время как парик имеет еще шероховатую поверхность камня. Очень массивное, мясистое лицо с плотными, точно налитыми щеками обрамлено пышным, колоколообразной формы париком, расчесанным на прямой пробор и состоящим из широких прядей, трактованных ровными крупными линиями. Если смотреть спереди, то пологие, косые линии парика необычайно расширяют книзу и без того круглое лицо (в поперечном разрезе от свисающих кончиков парика голова имеет 28 см).

Перед нами превосходный скульптурный портрет эпохи Древнего царства. Все в нем типично для этого периода. Мы хорошо знаем, насколько стойким и типичным оказывался портретный облик в разные эпохи развития древнеегипетской портретной пластики. При этом определенная сумма стилистических признаков переносилась с царского портрета на характеристику частных лиц как мужских, так и женских. Этим ни в коей мере не снимался вопрос об индивидуальной трактовке того или иного лица, о персональном осмыслении определенного портретного образа: достаточно, например,

¹ Большинство этих стел издано Dunham Dows, Naga-ed-Dêr, London, 1937.

вспомнить портреты Анх-Хафа и Хемона для эпохи Древнего царства. Но речь идет об установлении той эпохальной типологии, которая при всех частных отклонениях создавала при этом своего рода групповой портрет.

Интересующий нас в данном случае тип круглого лица, трактуемого достаточно суммарно, с очень плотной, широкой и точно налитой формой щек, начинает развиваться уже с первых шагов возникновения скульптурного портрета. Достаточно для этого вспомнить мемфисскую статую коленопреклоненного жреца периода II династии из музея в Каире, саккарскую скульптурную группу Сепи и его жены периода III династии из Лувра, фигуры писцов периода IV династии из музеев Берлина, Лейдена и Бостона, наконец, серию портретов Хефрена и Микерина¹.

Рис. -1. Голова мужчины, гранит (фас). Киев. Гос. музей западного и восточного искусства

Как на образце женского портрета с той же исключительно выпукло выраженной портретной типологией, укажу на статуэтку № 5127 из ГМИИ им. А. С. Пушкина, датируемую мною ранним периодом Древнего царства². Все черты лица отличаются здесь большой мясистой, плотность формы доведена почти до полной обобщенности. В публикуемой здесь голове значительно больше нюансировано лицо, в особенности же поверхность щек; однако при всех ее отличиях она принадлежит к тому же стилистическому типу. Имеется еще одно сходство в последних двух упомянутых памятниках —

это круглый овал лица, усугубляемый париком, закрывающим всю верхнюю часть лба. Лоб кажется особенно узким по контрасту с широким колоколообразным париком. И то же впечатление остается от упомянутых портретов писцов с такими же пирамидальной формы париками. Парик этот идет также из древнейшей эпохи. Колоколообразный парик становится особенно употребительным в дальнейшем искусстве Древнего царства, примером чего являются упомянутые статуи писцов времени IV династии, известный писец из Саккара, одна из статуй Ракофера времени V династии из музея в Каире и многие другие.

Описанная нами портретная типология достигла своей полноты в обширной серии скульптурных портретов Микерина. Портрет здесь приобрел характер не только фамильного сходства, но и установившейся типологии для доминирующей линии развития искусства эпохи Древнего царства. Особенно показательны в этом смысле скульптурные группы из трех фигур с царем Микерином. Так, к концу IV династии выковался тот, так сказать собирательный, портретный образ, к которому, с наибольшим вероятием, относится и публикуемый памятник.

В этом особенно убеждает меня сравнение портретной головы из музея в Кие-

¹ См. воспроизведение этих памятников в «Propyläen-Kunstgeschichte», II, 1925, стр. 225, 227, 230, 231, 233.

² В. В. Павлов, Египетская скульптура, М., 1949, стр. 27, табл. II.

ве с гранитной же головой Сехемнофра из музея в Бостоне. Совершенно идентичны не только парики с их плавными и пологими линиями прямых прядей, но и трактовка всего лица, в особенности щек, широкими плоскостями; близок и характер обработки гранита. При сопоставлении голов в профиль исключительная близость памятников становится совершенно очевидной. Разумеется при этом, что незначительные отклонения в трактовке индивидуальных особенностей лица (например, наличие небольшой горбинки на носу Киевской головы и отсутствие ее у Сехемнофра) ни в какой мере не нарушают впечатления не только одинаковости портретного типа, но и принадлежности обоих портретированных мужчин к одному и тому же царствованию.

Изыскания последних лет в области искусства времени царя Микерина позволили, опираясь на письменные источники и данные археологии, с достаточной точностью установить генеалогию большинства изображенных в скульптуре лиц. Так, и данные находки в богатой гробнице Сехемнофра с ее сердабом и комнатой жертвоприношений, декорированной великолепными рельефами, позволили отнести действительность этого крупного вельмжи к царствованиям Микерина — Шепсескафа. Ведь не случайно во всех известных нам изданиях голова Сехемнофра ставится обычно вместе с широкой серией голов Микерина. Чаще же всего она связывается с алебастровой головой юного Микерина или же Шепсескафа из того же музея в Бостоне¹.

Таким образом, из сопоставления материала портретной скульптуры и археологических данных мы можем с большой долей вероятности отнести к тому же искусству конца IV династии и публикуемую голову из Киевского музея. Изображенный в ней мужчина,

Рис. 2. Вверху: голова мужчины. Гранит (профиль). Киев. Гос. музей западного и восточного искусства; внизу: Сехемнофер. Гранит. Музей в Бостоне

¹ J. Breasted. Geschichte Aegyptens, табл. 60—61.

вероятнее всего, был современником Сехемнофра и сам достаточно крупным деятелем того же периода. Об этом говорит его портрет, выполненный незаурядным мастером.

В пользу нашей датировки свидетельствует еще одно косвенное, но очень существенное соображение. С первого взгляда киевский памятник можно было бы отнести еще только к одной эпохе: ко времени правления XXV эфиопской династии. Эфиопские цари стараются в этот период снискать доверие рабовладельческого класса Египта, привлекая на свою сторону жречество и возрождая древние египетские культы.

Рис. 3. Ментуемхат. Гранит. Музей в Каире

В разных областях культуры, в особенности же в религии и искусстве, наблюдается возврат к былым периодам египетской истории¹. Много черт заимствовало искусство периода XXV династии и из скульптуры эпохи Древнего царства, в частности же, и тот колоколообразный парик, который встречается на обоих широко известных карнакских портретах Ментуемхата из музея в Каире, а также на его статуе из Берлинского музея². Голова карнакской статуи из серого гранита больше остальных походит на публикуемую здесь голову, отчего киевский памятник и принимался сначала за портрет позднего периода. Однако более пристальное и специальное последующее изучение искусства как эфиопского периода, так и Древнего царства показало все их различие. На голове Ментуемхата из серого гранита с исключительной силой лежит печать искусства времени XXV династии. Портретный образ осмыслен здесь более индивидуально, значительно больше детализировано лицо, заострена этническая его характеристика.

В еще большей мере это касается другого карнакского портрета из черного гранита с его острой разработкой морщин и, наконец, выразительнейшей головы старика

¹ Этот вопрос был уже мною поднят в статье: «К вопросу о скульптурном портрете эфиопского периода времени XXV династии», ВДИ, 1946, № 4, стр. 153—158.

² Воспроизведены в «Propyläen-Kunstgeschichte», II, рис. 432, 433 и табл. XXI.

№ 37883 из Британского музея, также, вне всякого сомнения, относящейся к искусству периода XXV династии. По сравнению со всей этой серией самобытно индивидуализированных голов скульптурный портрет из музея в Киеве выглядит обобщеннее. Форма здесь трактуется более суммарно, вещественно. Весь образ осмысливается монументальнее, архаичнее, проще.

Обращает на себя внимание и различие в трактовке париков. Парик в голове древнего царства в полном согласии со стилем в целом также сведен к простым, скупым линиям, в то время как в голове Ментуемхата он разработан очень дробно. Множеством волнообразных линий, струйками спадают он на лоб, нижние же его концы сведены к рисунку мелкими рубчиками. Этот рисунок заимствован из париков Нового царства, где он вполне обычен.

Парик Ментуемхата говорит о приемах той мелкой разработки, той виртуозности, которые обычно характеризуют искусство на поздней стадии его развития. Об этой поздней ступени развития художественной культуры свидетельствует и более индивидуально осмысливаемый портретный образ. Становится очевидным различие между обликом подлинно древнего искусства и искусства, архаизированного в последующие исторические периоды.

Публикуемый здесь скульптурный портрет позволяет к известным нам первоклассным памятникам конца IV династии прибавить еще один шедевр египетского искусства, хранящийся в музее столицы Украины.

Проф. В. В. Павлов